

ПЕТЕРБУРГСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФОРУМ
16–18 ИЮНЯ 2011

Брифинг
БИЗНЕС В РОССИИ: ЧТО ТАКОЕ ЕЭП?
Создание творческого капитала в России

17 июня 2011 г. — 15:45–17:00, Павильон 5, Зал 5.2

Санкт-Петербург, Россия
2011

Сформирована нормативная база Таможенного союза и Единого экономического пространства России, Белоруссии и Казахстана. Единое экономическое пространство — это единый рынок, в рамках которого бизнесу предоставляются равные возможности для развития.

Модератор:

Алексей Лихачев, Заместитель министра экономического развития Российской Федерации

Выступающие:

Татьяна Валовая, Директор Департамента международного сотрудничества Правительства Российской Федерации

Владимир Саламатов, Заместитель Министра промышленности и торговли Российской Федерации

Александр Шохин, Президент Российского союза промышленников и предпринимателей

А. Лихачев:

Добрый день, коллеги, уважаемые гости Форума, участники нашего брифинга. Мы назвали его «Бизнес в России: что такое ЕЭП»? Я прошу многочисленных гостей рассаживаться, а нашу операторскую службу закрыть двери, чтобы не мешал шум из коридора. От имени Министерства экономического развития мы рады приветствовать всех наших участников, партнеров Форума. Большое спасибо за то, что вы собрались в этом зале для обсуждения вопросов развития Единого экономического пространства. Ровно год назад здесь же на Форуме мы говорили о том, что начинает работу единая таможенная территория. Оставались считанные дни до запуска единого кодекса Таможенного союза. Эта работа была сделана, и теперь остаются считанные дни до снятия всех видов контроля с наших совместных границ за исключением пограничного. Осталось выполнить последнее действие, которое обозначит создание единой таможенной территории России, Белоруссии и Казахстана. Но кроме этой работы, за последний год не менее интенсивно шла разработка, подписание, а в эти дни идет интенсивный процесс ратификации 17-ти соглашений Единого экономического пространства. О них сегодня будут говорить наши диспутанты, панелисты. По вопросам, связанным с имплементацией этих соглашений, мы готовы сегодня отвечать на вопросы журналистов и всех присутствующих. Это действительно передний край и интеграционной работы, и экономической науки, и тех действий, которые предстоит предпринять в сфере административных преобразований. Каждый из тех, кто сидит сейчас на сцене, наши сегодняшние докладчики, панелисты, каждый из них — я совершенно не кривлю душой — это человек-легенда, это абсолютный лидер, формальный и неформальный, в своей отрасли, главнейший в стране эксперт в соответствующем отраслевом направлении. Приятно представить всех участников, хотя вы, наверное, знаете каждого из них. В первую очередь, Татьяна Дмитриевна Валовая, директор

Департамента международного сотрудничества аппарата правительства — человек, который действительно и в организационной работе, и на уровне идеологии сумел за последние полтора-два года поставить интеграционную работу в стране на совершенно новый качественный уровень. Дальше по порядку: Владимир Юрьевич Саламатов, заместитель министра промышленности и торговли, наш руководитель в части технического регулирования теперь уже и международного масштаба, о чем мы и хотим сегодня услышать в его презентации. Александр Николаевич Шохин, президент Российского союза промышленников и предпринимателей. Мы надеемся, что он не сильно будет нас ругать за то, что мы не вместе с бизнесом эту работу ведем; мы идем вместе с бизнесом, но, наверное, не на таком уровне, как хотелось бы нашим уважаемым предпринимателям. За Татьяной Дмитриевной Валовой — Геннадий Григорьевич Онищенко, руководитель Роспотребнадзора и модератор процессов, связанных с соответствующим контролем на всей единой таможенной территории России, Белоруссии и Казахстана. Отдельная тема — его работа, дискуссия в обществе по принципам регулирования, которые будут теперь установлены в этой отрасли для всех троих участников. И Андрей Владимирович Точин, директор Департамента экономического сотрудничества и интеграции со странами СНГ Минэкономразвития России. Это уже команда министерства: здесь присутствует не только он, но и Филипп Георгиевич Габуня, директор департамента ЕС, Александр Александрович Пироженко, директор департамента конкуренции. Мы все включены в процесс работы со стороны нашего министерства и все будем готовы дополнять выступления панелистов, отвечать на ваши вопросы, если это потребуется. У нас с вами не очень много времени, Форум очень жесткий. По большому счету, с этой минуты нам отведен буквально один час и пять минут. Есть такое предложение: попросить Татьяну Дмитриевну сделать установочный доклад и отвести на этот доклад максимальное

количество времени — 15 минут. Больше у нас вряд ли получится. Потом — это уже up to you. Дальше по ключевым направлениям: санитарный контроль, техническое регулирование, участие бизнеса в этом процессе. Заслушаем наших уважаемых докладчиков и обменяемся мнениями; если необходимо — ответим на вопросы. Принимается такая схема работы? Договорились. Тогда Татьяна Дмитриевна Валовая, директор Департамента международного сотрудничества аппарата Правительства Российской Федерации.

Т. Валовая:

Добрый день, уважаемые коллеги! Как уже сказал Алексей Евгеньевич, с 1 января 2012 года у нас запускается проект Единого экономического пространства. И я хотела бы начать не с анализа документов, которые составляют его нормативно-правовую базу, и даже не с тех вещей, которые мы будем делать, начиная с 2012 года. Я хотела бы начать — здесь как раз звучало слово «идеология» — с идеологии, которая заложена в проект Единого экономического пространства и которая объясняет его место в иерархии этапов экономической интеграции. Когда мы говорим об этой идеологии, нам не обойтись без неких параллелей с Европейским союзом. Часто по страницам прессы гуляет фраза, что, дескать, как мы хорошо, быстро интегрируемся в последнее время: 1 января 2010 года — Таможенный союз, 1 января 2012 года — уже Единое экономическое пространство — всего два года, а у европейцев, дескать, дорога к проекту единого внутреннего рынка, аналогичного проекту ЕЭП, заняла 18 лет. На самом деле, это все не так. За 18 лет Европейский союз осознал, что, несмотря на то, что на бумаге у них есть уже Единое экономическое пространство, на самом деле, его нет. И вот нам, изучая опыт ЕС, надо понимать, как может сложиться ситуация, когда, вроде бы, у тебя на бумаге уже есть единое пространство, но на самом деле нет. У европейцев,

действительно, Римский договор на бумаге провозгласил все принципы Единого экономического пространства, и его сразу окрестили общим рынком. Они очень быстро создали Таможенный союз — не так быстро как мы, у них другая была история — но они создали его меньше чем за 10 лет, и в 1968 году они на 18 месяцев раньше срока стали строить новые планы. При этом они считают, что у них уже единое пространство есть, в Римском договоре все написано. И они, вместо того, чтобы думать о проекте ЕЭП, начинают думать о единой валюте, которую обещают ввести в 1980 году. Советский Союз в это же время готовит к этой же дате введение коммунизма. Ни то, ни другое в 1980 году не произошло. И у европейцев 60–70-е годы были очень тяжелые, потому что они оказались в ситуации, когда у них есть Таможенный союз, когда есть открытое друг другу торговое пространство, на которое заходить очень легко, в том числе, применяя различные допустимые методы, я имею в виду валютный демпинг, который официально не запрещен, и, в то же время, пытаешься использовать допустимые меры — например, техническое и санитарное регулирование, фито-санитарное регулирование, другие методы, чтобы не пустить партнера к себе. Все 70-е годы был период европессимизма, когда все проводили политику, получившую название «разори соседа». Лишь по итогам практически 20 лет пришло осознание, что надо посмотреть, как же так получается: на бумаге у нас есть единый рынок, а на самом деле его нет. И вот тогда, действительно, пришло осознание, что нельзя создавать Единое экономическое пространство, не создав конкретных механизмов. В середине 80-х годов они начали очень сложную работу по выявлению остающихся барьеров. Они разделили их на три части: физические, технические, налоговые, разработали план движения, определили дату — это было 31 декабря 1992 года — и стали реализовывать этот проект и успешно его реализовали. Этот проект, судя по всему, подобен ремонту, его нельзя остановить. Они его продолжают развивать. Именно на все это

смотрели и мы, когда делали свой проект Единого экономического пространства, чтобы извлечь полезные уроки из их опыта и не повторить их ошибок. Каковы же были те принципы, которые нам показались системно важными, и которые мы положили в основу нашего проекта ЕЭП? Первый принцип — это принцип наднациональности. Потому что действительно, без наднациональности, без передачи полномочий на высокий наднациональный уровень невозможно регулировать экономическую политику в условиях, когда национальные барьеры уже сняты. И это осознание является вопросом номер один. У нас в рамках нашего Таможенного союза и в рамках ЕЭП такое понимание есть. У нас есть наднациональная Комиссия Таможенного союза, у нас решения принимаются равновесным голосованием, у нас разное количество голосов и, вроде бы, у нас все в этом отношении тоже соответствует европейским принципам. Но почему я об этом говорю именно сейчас и заостряю на этом ваше внимание? Мы сейчас ведем переговоры по внесению изменений в Договор о Комиссии Таможенного союза. Мы планируем создать профессиональный орган, который будет работать на постоянной основе и принимать решения от имени Таможенного союза и Единого экономического пространства. В ходе этих переговоров иногда наши партнеры говорят: «Давайте по ряду вещей будем принимать решение консенсусом. Может быть не на всю жизнь, а на какое-то время». Я уверена, что отказ от принципа равновесного голосования, от принципа наднациональности может похоронить весь проект. И опыт европейцев об этом говорит. Поэтому мы с большим уважением относимся к позиции наших партнеров и намерены искать возможные компромиссы для того, чтобы снять имеющиеся озабоченности, но, тем не менее, мы исходим из того, что принцип наднациональности — и об этом говорит европейский опыт — это основа основ проекта ЕЭП. При этом, помимо наднациональности в исполнительной власти, наднациональность нужна и

в другой власти. Я имею в виду право. Нам необходимо наднациональное право, которое выше национального. И эта работа также идет. С 1 января 2012 года совершенно по-иному заработает суд ЕврАзЭС. Он сейчас создается, он будет высокопрофессиональным, и не только будет рассматривать споры между государствами; хозяйствующие субъекты Таможенного союза также получают возможность в него обращаться. Следующий принцип, который мы, внимательно изучив, положили в основу нашего проекта — это принцип взаимного признания. Все, что легально произведено на территории одного из государств Единого экономического пространства, должно иметь возможность обращаться по всей территории. Это относится не только к товарам, услугам, рабочей силе, но и к сертификатам, дипломам, лицензиям и так далее. Понятно, что это нельзя сделать одномоментно; это процесс поэтапный, и он идет рука об руку с процессом гармонизации, то есть с процессом согласования и выравнивания национальных стандартов. То есть, для того, чтобы иметь возможность спокойно, с чистой совестью, принимать то, что выдано другой стороной — я имею в виду сертификат, лицензию и так далее — у нас должны быть и единые требования. И это тоже один из важнейших принципов, который мы положили в основу нашего проекта. Далее — принцип предоставления национального режима. Какой бы ни существовал на нашей территории режим, плохой ли, хороший — мы не можем дискриминировать друг друга. Все, что есть в России, мы должны открыть для наших партнеров из Белоруссии и Казахстана. Точно так же и они должны сделать по отношению к нам. Понятно, что, опять же, и этот принцип другой своей оборотной стороной означает унификацию и гармонизацию этих режимов, для того, чтобы этот процесс был сбалансирован. Наконец, принцип целостности — то, что европейцы называют *acquis communautaire* — «достижение сообщества». Мероприятия по формированию Единого экономического пространства настолько

взаимосвязаны и взаимозависимы, что нельзя выбирать по принципу «вот это я буду делать, вот это мне интересно, а вот это я не буду делать и вот это соглашение я не подпишу». Иными словами, как я всегда говорю, Единое экономическое пространство — это комплексный обед, а не ресторанное меню, где можно выбирать блюда. Ты подписываешься под всем или ни под чем. Эти принципы, о которых я говорила — наднациональность, взаимное признание, национальный режим, гармонизация и комплексность — они положены в основу проекта формирования единого рынка на 164 миллиона потребителей, в рамках которого будет обеспечено свободное перемещение товаров, услуг, капиталов, рабочей силы, будет проводиться единая конкурентная политика, единая политика в области технического регулирования, единые требования макроэкономической политики и так далее. Я сейчас не буду перечислять содержание всех наших документов, всех наших договоренностей, это очень долго, утомительно и, наверное, у вас эта информация есть. Просто привлеку внимание к некоторым положениям тех 17-ти соглашений, которые составляют проект ЕЭП. Надо иметь в виду, что мы должны принять еще большое количество документов; только в этом году их будет 30, из них 10 — это международные договоры. Например, если мы берем соглашение о согласованной макроэкономической политике, то в соответствии с ним уже с 1 января 2013 года мы будем определять количественные параметры — годовой дефицит государственного бюджета, который должен быть не выше 3% ВВП, государственный долг не выше 50% ВВП, уровень инфляции, не превышающий лучший показатель среди участников Единого экономического пространства более чем на 5%. Когда мы, кстати, вели переговоры по этому соглашению, некоторые говорили: «Не надо забегать вперед, это мастерские критерии, они нужны для введения валюты. Зачем они вам сейчас?» Мы тогда настаивали, и сейчас жизнь подтвердила нашу правоту. Ситуация, которая имеет место в

Белоруссии — девальвация валюты — она как раз и означает, что нам очень важно иметь понимание того, как развивается макроэкономическая политика в наших государствах. Потому что мы действительно открываем рынки друг для друга, и мы не можем в условиях, когда даже одно из государств получает конкурентное преимущество из-за девальвации валюты, закрывать от него этот рынок. Соответственно, мы, как тройка, не должны доводить дело до ситуации, когда макроэкономическая политика будет приводить к тому, чтобы эти условия складывались. То есть, жизнь подтвердила правильность подписания этого соглашения. Возьмем соглашение по конкуренции. Им устанавливаются единые принципы и правила конкуренции для всех сторон, определяется порядок ценового регулирования на товары, передаются полномочия наднациональному антимонопольному органу — Комиссии Таможенного союза — в части рассмотрения дел по нарушениям на трансграничных рынках. Это произойдет уже в 2013 году. Очень содержательным получилось соглашение по промышленным субсидиям, где мы определили, как разделяются субсидии на запрещенные, специфические, допустимые, и передали полномочия Комиссии Таможенного союза по этим вопросам. Столь же содержательное соглашение по сельхозсубсидиям, где мы ограничили меры государственной поддержки, искажающие взаимную торговлю, в размере 10% от валовой стоимости сельскохозяйственных товаров. Это очень серьезный пункт, вокруг которого шла большая битва. Соглашение по госзакупкам: с 1 января 2014 года для госзакупок на нашей территории устанавливается национальный режим, а уже с 1 января 2012 года они будут производиться уже в электронном формате. Соглашение по естественным монополиям и соглашения, принятые для их развития, например, соглашение по железнодорожному транспорту. Решается тема, которая обсуждается давно — это унификация экспортного, импортного и внутригосударственного тарифов. Эта унификация пройдет до 1 января

2013 года. Очень много положений есть в соглашениях по финансовым рынкам, но там еще предстоит кое-какие вещи дорабатывать в период до 2013-2015 годов. Я назвала некоторые моменты, над которыми мы работали, по которым мы принимали решения. Вы сразу увидите, что многие из них — это те темы, которые мы в одиночку, я имею в виду Россия, долгое время обсуждали, но не могли никак найти в себе силы принять решение. Даже, например, такая большая тема как равнодоходность цен по газу при экспорте и при внутренних поставках. Мы принимали эти решения, но в силу объективных факторов и кризиса не могли принять внутреннее решение. Теперь это ратифицированный документ. С 1 января 2015 года это станет нормой жизни, и мы уже не сможем его никак изменить. Поэтому я хотела бы сделать основной акцент на том, что проект Единого экономического пространства — это проект, касающийся, прежде всего, изменения наших внутренних экономик. Если проект Таможенного союза — это проект, затрагивающий, в основном, внешнеэкономическую сферу, то проект Единого экономического пространства затрагивает все сферы; нет ни одной сферы нашей внутренней экономической жизни, которые бы он не затрагивал. В этой связи нам, конечно, очень нужна широкая публичная поддержка этого проекта. Нам нужна поддержка бизнеса, и мне очень приятно, что Александр Николаевич присутствует на этом брифинге. Нам нужна поддержка средств массовой информации, потому что с Таможенным союзом никто не верил, что мы его создадим. Мы 15 лет кричали «волки, волки», вот будет Таможенный союз, под конец уже все разуверились, теперь мы его создали, и никто даже не заметил. Сейчас все уже понимают, что это серьезно, и поэтому, конечно, начинается некоторая озабоченность у определенных компаний, которые понимают, что конкурировать на рынке Единого экономического пространства будет сложнее и в области сельского хозяйства, где сильны наши партнеры, и во многих других областях.

Понятно, что никого строим в проект ЕЭП мы не загоним, да и не собираемся этого делать. Наша задача совсем в другом. Нам надо показать преимущества этого проекта для бизнеса, чтобы они сами загорелись идеей дальше развивать этот проект. Точно так же это было в проекте единого внутреннего рынка в Европейском союзе: лишь когда бизнес и население увидят преимущества этого проекта, он будет развиваться. Мы считаем, что этот проект очень плавно вписывается в ту стратегическую задачу, которую в целом ставит перед собой Российская Федерация. Мы никоим образом не собираемся ни от кого отгораживаться. Европейцев тоже в свое время, когда они стали делать единый внутренний рынок, часто обвиняли, что они строят «крепость-Европу» — была такая бурная дискуссия в конце 1980-х — начале 90-х годов. Потом все увидели, что никакой крепости нет. Да, где-то стало сложнее, но по большому счету стало легче. Мы тоже не собираемся строить никакую «крепость-ЕЭП». Мы планируем, что этот проект позволит нам стать серьезным игроком на внешней арене, позволит постепенно выходить на заключение взаимовыгодных преференциальных соглашений с тем же самым Европейским союзом, и мы об этом уже думаем. Естественно, проект будет развиваться, как мы надеемся, и вширь, и вглубь, и по другим направлениям интеграции. На сегодняшний день для нас самое главное — получить поддержку бизнеса, который бы уже затем подталкивал нас к тому, чтобы мы шли дальше. Я постаралась даже закончить быстрее. Спасибо за внимание.

А. Лихачев:

Да, спасибо большое, Татьяна Дмитриевна! И так, Таможенный союз — это реальность, нормативная база, я подчеркиваю — это реальность, но ее имплементация не за горами. Она будет происходить поэтапно, с развитием, но интенсивно. Вот так будем жить, что называется, на троих, с одной стороны — внутри Единого экономического пространства, с другой

стороны — уже в трехстороннем формате, выстраивая отношения во внешнем мире. Государство берет на себя две главные функции. Это долгосрочное планирование, долгосрочная постройка нормативной базы и создание условий для бизнеса. Прежде чем выскажется бизнес, я просил бы двух регуляторов сделать свои сообщения. Если позволите, начнем с Владимира Юрьевича Саламатова. Техническое регулирование теперь отдано Комиссии Таможенного союза, и технические регламенты будет принимать Комиссия Таможенного союза. Это лучше, хуже, интенсивнее, с бóльшими барьерами, или это, наоборот, даст возможность работать по унифицированным правилам не на 144 миллиона, а хотя бы на 170 миллионов потребителей? Вот в чем здесь главная фишка, как сейчас говорят? Владимир Юрьевич, Вам слово.

В. Саламатов:

Спасибо. Я хочу сказать, что первый слайд, который представлен в короткой презентации, говорит о том, что роль технического регулирования — это установление технических барьеров в торговле. То есть, нельзя пустить на территорию Российской Федерации и Таможенного союза продукцию, которая не соответствует неким установленным требованиям Российской Федерации или Таможенного союза. Специально на этом слайде перечислены практически все инструменты, которыми государство обладает, не только устанавливая требования, не только стимулируя развитие науки, технологий, опережающей стандартизации, но и устанавливая ответственность и осуществляя государственный контроль и надзор. В то же время на этом слайде представлен и бизнес. Я хочу отдать должное Российскому союзу промышленников и предпринимателей, который фактически сегодня создал на площадке технического регулирования многосторонний стол переговоров, хотя понятно, что последнее слово отдается государству, которое должно будет, исходя из

пожеланий бизнеса, принять правильное решение по защите всего общества. Действительно, 18 ноября прошлого года, на несколько часов раньше, чем три остальных, было подписано первое ЕЭПовское соглашение — соглашение о формировании единой системы технического регулирования в рамках трех государств — Белоруссии, Казахстана и России. В рамках этого соглашения, как Алексей Евгеньевич сказал, я подтверждаю эти слова, целый ряд функций от национальных правительств передается на уровень межгосударственный, а потом и на уровень наднационального органа — Комиссии Таможенного союза. Это не только принятие технических регламентов, но и координация и принятие большого количества документов. Я не исключаю, и сама логика развития системы технического регулирования в Таможенном союзе об этом говорит, что в ближайшее время станет актуальным вопрос о передаче еще большего количества полномочий, которые сегодня реализуются на национальном уровне. Я думаю, что в ближайший месяц-два мы услышим подобные предложения, и если будет достигнут консенсус, то это будет и реализовано. На следующем слайде показано наше общее действие в рамках Комиссии Таможенного союза, которая уже приняла около 60 документов, регулирующих ситуацию в области технического регулирования, применения санитарных и фитосанитарных мер. Комиссия Таможенного союза должна принять решение о едином знаке обращения продукции на рынке. Этот знак, которым будет маркироваться вся продукция, соответствующая установленным Таможенным союзом требованиям, будет свободно обращаться на рынке. Я буду использовать этот знак и на следующем слайде, для того чтобы показать, какая стратегическая цель формирующейся системы технического регулирования нами принята. Мы считаем, что в рамках задачи по созданию зоны свободной торговли от Петропавловска-Камчатского до Лиссабона, на этой громадной евразийской территории, должно стать, во-первых, достижение

некоей соотносимости, а не знака тождества или равенства между знаками евразийского соответствия безопасности продукции и знака Европейского союза, потому что у нас есть свои географические и прочие особенности, которые мы, конечно, должны учитывать. Стратегическая цель состоит в том, чтобы добиться соотносимости, близости двух этих понятий как элементов больших систем технического регулирования. Вторая задача, которую мы перед собой видим — это создание модели технического регулирования в Таможенном союзе, которая станет привлекательной для других государств — членов Союза Независимых Государств. Какие основания для первого и второго? На следующем слайде можно сделать вывод, что наши технические регламенты базируются на международных стандартах в первую очередь, но мы гармонизируемся с нашим основным торговым соседом — Европейским союзом. Наши технические регламенты во многом являются переработанными, дополненными, несколько видоизмененными аналогами европейских директив — аналогов технических регламентов. Более того, мы наши стандарты разрабатываем на основе международных стандартов, активно включаясь в работу технических комитетов на площадке Международной организации по стандартизации. Белоруссия уже присоединилась к европейским органам по сертификации СЕН и СЕНЭЛЕК, и Российская Федерация тоже близка к завершению этого очень важного пути. Но сразу хочу сказать, что наши технические регламенты — это на следующем слайде видно — имеют определенную особенность с точки зрения стандартизации. Мы отдали предпочтение для использования, для подтверждения безопасности продукции стандартам Союза Независимых Государств. В 1992 году была создана региональная организация по стандартизации СНГ. Она сегодня располагает очень большой базой стандартов, которую могут использовать любые страны Союза Независимых Государств... Содружества Независимых Государств, я прошу прощения. На самом деле, с

политической точки зрения, моя оговорка очень серьезная, но смысловая; она, очевидно, по Фрейду, так сказать: это то, что ставится в качестве задач и целей, потому что наша родственность гораздо больше того, что нас разъединяет. Таким образом, мы — Россия, Белоруссия, Украина, Азербайджан, Армения — фактически имеем все возможности для использования одних и тех же стандартов по максимуму, и мы будем приближать их к международному уровню. И одновременно с этим, наши технические регламенты Таможенного союза формируются таким образом, что они содержат только нормы прямого действия. Нет никаких отсылочных документов к другому законодательству, и поэтому такие документы легко имплементировать в законодательства других стран, опираясь на стандарты Содружества Независимых Государств. Я хотел бы на этом закончить, хотя я могу говорить, конечно, очень долго.

А. Лихачев:

Долго и очень интересно, да. Огромное спасибо — и за интенсивный и содержательный рассказ, и за соблюдение регламента. Я думаю, что у коллег есть вопросы, не хочу их предварять, и мы, естественно, еще услышим Ваш голос на сегодняшнем мероприятии. Попрошу сейчас выступить с таким же кратким, презентационного характера, сообщением Геннадия Григорьевича Онищенко. Геннадий Григорьевич, вообще, наше здоровье в Ваших руках, и как бы ни бурлила иногда политическая тематика вокруг принимаемых вами решений, я скажу личное мнение свое и членов моей семьи, мы вообще Вам и Вашей службе доверяем. И то, что Вы делаете и говорите, мы стараемся, по крайней мере, в моей большой семье, выполнять. Не возникает сейчас новых рисков? Будем продолжать Вам доверять? Не прорвется через переносимые границы бактерия, нам не нужная, не дай бог, другое какое заболевание? Пожалуйста, успокойте нас,

направьте, укрепите, скажите, как будет организована теперь на троих
Ваша очень серьезная и ответственная работа.

А. Шохин:

На троих всегда безопаснее.

А. Лихачев:

Есть разные мнения по этому поводу, все зависит от отрасли, в которой на троих пытаются что-то сделать.

Г. Онищенко:

Я, прежде всего, хотел бы высказать благодарность нашему модератору за заданный формально-эмоциональный тон, который царит здесь благодаря двум предыдущим выступлениям. Ну, и по сути своей работы я бы хотел начать с отрицания тех доводов, которые здесь приводились. Первое отрицание — это на Ваше заявление, что Ваше здоровье в моих руках. Оно в Ваших руках, целиком и полностью. А мы лишь вот те подносчики снарядов, которые иногда Вам что-то подсказываем, тихо, мирно, без всякой агрессии. Второе отрицание, которое я бы хотел высказать — понимаете, вот Евросоюз объединялся... мы объединяемся в Таможенный союз на принципиально другой основе. На памяти этого поколения было единое государство, которое жило по единым законам, и то великое распределение труда, экономики, специализаций различных регионов того большого государства, как бы ни старались его разрушить, оно осталось. И поэтому то, что сегодня происходит в Таможенном союзе, это, прежде всего, веление экономики и бизнеса, а бизнес — это инструмент реализации экономики. Поэтому мы не объединяемся, а вспоминаем то, что у нас было совсем недавно. Здесь уже говорилось о Содружестве Независимых Государств. Действительно, это тот мудрый механизм, когда-

то созданный в Минске, который позволил сохранить все, что нужно сохранить, что объективно нужно было сохранить на этом огромном евразийском пространстве. Мы — через этот инструмент, через совет по здравоохранению, совет министров и главных государственных санитарных врачей, — все эти годы сохраняли единые подходы в нормировании безопасности для здоровья в организации, как вы сейчас называете, «дорожная карта» или «логистика» — русский язык бедный, поэтому приходится заимствовать. Поэтому и сейчас то, что сделано на политическом уровне — это отражение тех тенденций, которые идут в наших экономиках, и поэтому я здесь вижу другое: мы вспоминаем то, что у нас было — в Казахстане, в Белоруссии. К сожалению, другие государства пока сюда не подтягиваются, в силу определенных причин, хотя экономически и объективно они должны быть здесь. Но мы с вами все выросли в богоборческом государстве, да? И уже на самом исходе этого богоборческого государства мы начали говорить о триединстве в духовной жизни. Я бы сказал, что в нашем гигиеническом нормировании мы исходим из «четыреединства». Это единство порядка организации проведения надзора, единство перечня товаров, единство санитарно-эпидемиологических требований и единство форм документов, по которым мы сегодня взаимно признаем наши требования, с тем, чтобы не создавать ненужной суеты. Хотя, в общем-то, в этом есть и большие приобретения. Вот мы сейчас оцениваем ситуацию и видим, что организационно Россия гораздо дальше ушла в обеспечении санэпидблагополучия, защиты прав потребителей, нежели Казахстан, который тоже достаточно много сделал, и Белоруссия, которая сохранила то первозданное, первородное, девственное состояние практически советского надзора. Следующий этап мы уже планируем и обговариваем, чтобы у нас кроме единства требований, хотя здесь говорили о техническом регулировании, а техническое регулирование не отражает всей полноты проблем, которые

есть, мы сейчас говорим о единстве надзоров, о единой форме построения надзоров. Потому что это тоже принципиальная позиция, без которой сегодня обойтись нельзя. И поскольку я надеюсь, что в этой аудитории есть бизнес, я бы хотел обратить внимание на то, что уже принятые законы в рамках Таможенного союза диктуют нам, что с 1 января 2012 года у нас должны уже быть единые, уже перерегистрированные документы — в частности это касается регистрации отдельных видов товаров. Я обращался и к господину Шохину, и к Игорю Ивановичу Шувалову, с тем, что у нас в этом плане идет задержка, и мы сегодня создаем себе искусственные барьеры, которые могут 1 января 2012 года серьезно затруднить ситуацию с обращением уже теперь на едином рынке России, Казахстана и Белоруссии. Это совершенно формальные вещи, но они могут стать принципиальным барьером и осложнить ситуацию в экономиках наших стран в этом году. Ну и совсем на полях — это Европейский союз, с которым мы действительно, как уже господин Саламатов сказал, активно сотрудничаем, гармонизируемся. Россия здесь, конечно, является флагманом по одной простой причине, что в той бывшей нашей жизни, в прошлой жизни, вся научная основа, вся база была сосредоточена в России, и, конечно, наши коллеги в Белоруссии, Казахстане и в странах, которые думают присоединиться к Таможенному союзу, а потом и к Единому экономическому пространству, тоже жили по тем нормативам, по тем подходам, по той идеологии, по той научной обоснованности требований, которые были, и которые диктует сегодня Россия. Это не какие-то амбициозные заявления, это отражение объективной реальности. Спасибо.

А. Лихачев:

Спасибо большое. Буквально 30 секунд вашего внимания. Среди базовых документов Таможенного союза был так называемый план переноса

контроля. Это план взаимодействия контрольных органов и выноса его с наших совместных границ на внешний контур. Четыре службы — Роспотребнадзор, Россельхознадзор, Транспортный контроль, Федеральная таможенная служба — эту работу вели, сейчас фактически завершают. Просто хочу высказать свое мнение: при том, что Роспотребнадзор — одна из самых строгих, в хорошем смысле слова консервативных, очень осторожных российских организаций, именно Геннадий Григорьевич, на мой взгляд, явился и идеологом и модератором, движителем того процесса, который позволил именно в направлении потребительского надзора сделать действенную эффективную систему раньше, чем остальные перечисленные мною контрольные органы. В некоторых из них дискуссии продолжаются, как ни странно, до сих пор. Но это моя личная точка зрения. Значит мы, с вашего позволения, закончим доклад наших чиновников. Здесь их присутствует еще не очень много, но и не мало. Это люди, которые работают над Таможенным союзом, над Единым экономическим пространством, люди, которым, как, например, Александру Александровичу Пироженко, предстоит выстраивать на наднациональном уровне антимонопольные органы, уже в совершенно новом формате организовывать работу по развитию конкуренции. Все мы пока в запасе, ждем возможности ответить на вопросы. Александр Николаевич Шохин, слово передаем Вам. Честно поделюсь своими мыслями: поскольку в 90-х годах я был предпринимателем, даже членом РСПП, а в 2000-х — чиновником, мне то нравится, что мы делаем, то не нравится. И я никак не пойму: мне как бывшему предпринимателю не нравится, или как нынешнему чиновнику? Когда-то медленно, когда-то, может быть, закрыто, когда-то, может быть, слишком общо, мы пишем наши документы. Но, поверьте мне, на любой ваш вызов и Минэкономразвития, и другие ведомства всегда отвечают позитивно. И вот Андрей Владимирович Кузнецов, руководитель вашего международного направления, нами тоже

научился в хорошем смысле слова управлять. Мы открыты для дискуссий и хотели бы услышать сейчас вашу оценку сегодняшнего положения дел, ваши рекомендации, пожелания.

А. Шохин:

Спасибо, Алексей Евгеньевич. Ну, на вопрос «нравится, не нравится» есть прекрасный ответ. В присутствии Пал Палыча Бородина я могу только напомнить это: «нравится, не нравится — спи, моя красавица». Но, на самом деле, конечно, спать не приходится, потому что взаимодействие бизнеса и власти, в том числе, в контексте создания Таможенного союза и Единого экономического пространства — это постоянно идущий диалог, и здесь, условно говоря, пауз не может быть. И, более того, я бы обратил внимание на то, что выстроенные на национальном уровне технологии взаимодействия бизнеса и власти в части участия бизнеса в подготовке нормативных документов, их мониторинге и корректировке и так далее, они переносятся на уровень Таможенного союза, выстраиваемого Единого экономического пространства, но, на мой взгляд, национальные завоевания еще не до конца перенесены на наднациональный уровень. Хотя вот примеры с техническим регулированием доказывают, что это можно сделать. Хотя вот, на встрече с премьер-министром, когда наше бюро в апреле встречалось, был поставлен такой вопрос: да, бизнес включен в обсуждение проектов технических регламентов на национальном уровне, можно сказать, до последней стадии. Но нам хотелось бы, учитывая, что на наднациональный уровень передаются многие полномочия и не только в области техрегламентов, но и в других областях, иметь и вот такой трехсторонний механизм взаимодействия бизнеса трех стран с Комиссией Таможенного союза, или, может, ее переименуют в комиссию ЕЭПовскую. А этого механизма еще нет, и, на мой взгляд, это явно то направление, где можно поработать. Мы, кстати, для этих целей создали бизнес-диалог трех

стран Таможенного союза. РСПП, Конфедерация промышленников и нанимателей Белоруссии и Экономическая национальная палата Казахстана «Атамекен» учредили этот бизнес-диалог в конце прошлого года. И вот мы в ближайшее время будем проводить... Кстати, мы в апреле этого года посвятили заседание бизнес-диалога как раз тематике технического регулирования в Едином экономическом пространстве. На мой взгляд, очень плодотворно поработали, действительно, не только проблемы осветили, но и выстроили технологии взаимодействия, в частности, Экспертный совет Министерства промышленности и торговли, который возглавляет представитель РСПП, и, на мой взгляд, достаточно эффективно работает. Следующий шаг — в июле. Инициатива тут, правда, исходила больше от правительств. Но, тем не менее, мы сейчас готовим вместе со своими коллегами в Белоруссии и Казахстане бизнес-форум с примерным названием «От Таможенного союза к Единому экономическому пространству: взгляд бизнеса, интересы бизнеса». Рассчитываем, что ведущие компании и председатели правительств трех стран примут в нем участие. Поэтому я сегодняшнюю нашу сессию рассматриваю, как подготовительное, разогревочное мероприятие к этому более широкому форуму. Надеюсь, что ведущие ведомства, регуляторы из трех стран примут участие, равно как и Комиссия Таможенного союза. Вот тут Глазьев сидел, куда-то, видимо, в соседнюю аудиторию ушел. Я думаю, что Комиссии Таможенного союза, ЕврАзЭСу тут нужно тоже поучаствовать. Есть некоторые темы, вот я хотел возразить Геннадию Григорьевичу по поводу того, что мы вспоминаем то, что было. Если бы мы вспоминали то, что было, и выстраивали то, от чего ушли, то нам надо было бы, конечно, на Белоруссию ориентироваться и не мучиться. Но тогда, правда, схемы типа «если не так себя поведете, я так на вас нажму, что до аэропорта международного не успеете доехать», тоже бы влияли на поведение бизнеса. Я как раз считаю, что мы выстраиваем новую систему отношений

и, конечно, многие наши связи производственные, духовные, культурные не разорвались. Отсутствие языкового барьера опять же. Это помогает нам выстраивать быстрыми темпами ЕЭП и Таможенный союз, но, тем не менее, это действительно новое качество. Как сказал сегодня Президент, мы не собираемся возвращаться к госкапитализму, и тем более к жесткому пятилетнему планированию, хотя Дума собирается на 5 лет, президент на 6 лет избирается, поэтому пяти-шестилетние программы действий, наверное, все равно необходимы. Но, тем не менее, новые механизмы взаимодействия, где преобладать будут технологии Европейского союза, в частности, в области политики конкуренции, технического регулирования, фитосанитарного контроля и так далее — это новые технологии. Вообще говоря, когда Татьяна Дмитриевна говорила о гармонизации, то, в принципе, гармонизация должна ведь идти не только по принципу выстраивания наших трехсторонних механизмов или усреднения какого-то регулирования, а мы, вообще-то говоря, должны ориентироваться на то, что пару лет назад было названо «зоной свободной торговли плюс» в отношениях с Европейским союзом. И Баррозу, и Медведев эту формулу подтвердили. То, что новое соглашение будет не просто соглашением о партнерстве и сотрудничестве, а о зоне свободной торговли плюс еще некоторые элементы, продвигающие нас в область единого экономического, такого уже классического пространства с Европейским союзом, требует от нас, чтобы мы и свое общее экономическое пространство выстраивали с ориентацией на максимальную гармонизацию с механизмами, директивами и так далее Европейского союза. Кстати, возвращаясь к тому же техрегулированию: корректировка закона о техрегулировании, она и была ведь направлена на новый подход к техническому регулированию Европейского союза. Я думаю, вот эту логику надо брать за основу, чтобы, условно говоря, зигзагами не идти, как зайцы от охотника уходят, чтобы нам не идти к тому же соглашению с Европейским союзом, корректируя то ЕЭП,

которое мы выстроим на троих. Что касается призыва присоединяться всем, честно говоря, я сторонник того, чтобы посмотреть, что получится, прежде чем приглашать новых членов. Надо достроить эту систему, показать ее привлекательность и бизнесу, и другим странам, и затем, как говорится, сами пойдут стучаться в нашу дверь, как это делают другие страны, стучась в Европейский союз. В противном случае... могу только вспомнить одну историю 1994 года, когда я отвечал за интеграционные процессы на пространстве СНГ. Мы уже почти выстроили с Белоруссией все элементы Таможенного союза и даже ЕЭП, поскольку там присутствовала единая денежная система, единый эмиссионный центр, и так далее. И в этот момент Кучма позвонил: «Как же так, без меня создаете?». Надо ли говорить, что на полтора десятка лет процесс затянулся. Я думаю, что если бы сейчас вдруг Украина согласилась присоединиться к Таможенному союзу, мы бы на два года вернулись в прошлое и начали бы переговорный процесс с того места, с которого начинали на троих. Кроме того, действительно, соглашение о зоне свободной торговли Украины и Европейского союза уже практически на сносях, и, как нам говорил премьер-министр Украины Николай Азаров, несогласованных вопросов там осталось мало — в области сельского хозяйства — и это соглашение может быть быстро подписано. Стало быть, еще одна тема: как согласовать зону свободной торговли, в которую входит Украина с Европейским союзом, и, допустим, членство Украины в Таможенном союзе. Кстати, еще одна тема: что делать с нашими партнерами по нашей зоне свободной торговли? Мы будем закрываться от них, вводя те или иные барьеры и разматывая колючую проволоку на границе, которую уже сматывали или даже не успели размотать в прошлом? Вопрос, который, естественно, не чисто политический, он сугубо экономический. Даже тот факт, что существуют разные степени защиты внутреннего рынка в Таможенном союзе — это там больше 10%, Украина в два раза меньше — уже создает возможность для

перетока товаров в ущерб, может быть, национальным производителям стран — членов Таможенного союза. Вопрос, безусловно, в этой связи есть, и поэтому я бы предложил все-таки не вширь, а вглубь идти и достроить Единое экономическое пространство максимально быстрыми темпами и с максимально возможным участием бизнеса в обсуждении вопросов не только на национальных уровнях, но и на трехстороннем уровне. Татьяна Дмитриевна правильно подчеркнула один из принципов — это national treatment, предоставление национального режима. Нам важно, чтобы не только национальный режим для наших компаний был в Белоруссии и Казахстане и наоборот. Важно, чтобы эти национальные режимы сближались. Это две стороны одной и той же медали — национальный режим и гармонизация нормативного правового поля, в котором находятся наши страны. Вообще, есть одно преимущество оттого, что мы не сразу создаем единое нормативное поле, и что компетенция национальная по многим вопросам остается. У нас возникает нестандартная ситуация конкуренции национальных юрисдикций внутри Единого экономического пространства и Таможенного союза. Конкуренция этих юрисдикций должна подталкивать национальные власти к тому, чтобы гармонизироваться на основе наиболее либеральных моделей. В частности, у нас ведь уже наблюдается переток бизнеса под более комфортную юрисдикцию, казахстанскую, например, в тех случаях, когда, естественно, не надо перетаскивать завод и так далее. В тех бизнесах, где это связано с перерегистрацией, этот процесс явно пошел с учетом того, что у нас социальные налоги высокие, а там низкие, НДС разные, ну и так далее. Поэтому нам придется, реализуя амбициозный проект для России на ближайшее время, пусть даже он не будет называться пятилетним планом, думать о том, как наиболее либеральные модели регулирования закладывать и в свое национальное регулирование и, тем самым, в гармонизированную нормативную базу Единого экономического

пространства. Так-то вот эта конкуренция юрисдикций — дело хорошее, и когда принимался Закон о таможенном регулировании Российской Федерации с большими национальными полномочиями, мы тогда вывели такой тезис: Россия не должна проиграть конкуренцию с Белоруссией и Казахстаном по процедурам таможенного регулирования, в контроле и так далее, в равной степени и по налогам, по регулированию других сегментов общего рынка. Я думаю, что если правительство России будет исходить из этого критерия, то бизнес двумя руками будет поддерживать такие шаги по трансформации национального законодательства и его гармонизации с другими странами — членами Единого экономического пространства. Спасибо.

А. Лихачев:

Спасибо большое, Александр Николаевич. Могу лишь подтвердить со стороны министерств, что мы, конечно же, всячески будем поддерживать и запланированное на июль мероприятие, и принимать в нем активное участие, и другие бизнес-диалоги, которые вы ведете не только с нашими соседями по СНГ, по Таможенному союзу, но и с дальним зарубежьем. Готовы активно дополнять их необходимой информацией о планах, о темпах, о практических шагах по реализации Таможенного союза и Единого экономического пространства. Коллеги, мы закончили наши установочные сообщения — то, что можно назвать краткими докладами. Открыта сессия вопросов, нет никаких ограничений кроме временных, пожалуйста. Девушка, пожалуйста, да. Очень прошу наших замечательных помощниц с микрофонами: у нас народу прибавилось заметно, но они все равно равномерно распространены по залу, поэтому, девушки, пожалуйста, внимательнее работайте. Очень прошу представляться и соответственно задавать вопросы.

Н. Никонова:

Добрый день! Спасибо огромное за возможность задать вопрос. Меня зовут Нина Михайловна Никонова, я представляю предприятие ЗАО «Смоленская чулочная фабрика». Доля нашего рынка — 13% российского рынка среди российских предприятий. В свое время мы также были членом РСПП. Я хочу заострить внимание на одной проблеме, которая мне кажется очень актуальной. Дело в том, что более или менее, но на нашем рынке ведется активная борьба с контрафактом. Государство ужесточает таможенную, и соответственно, эта проблема каким-то образом решается, но в последнее время объем контрафакта на российском текстильном рынке резко возрос. Причиной этому послужило именно открытие границ между Россией и Казахстаном. Дело в том, что китайский контрафакт попадает на наш рынок именно через Казахстан. Вызывает беспокойство тот факт, что, если мы не будем предпринимать никаких мер для защиты наших предприятий, нашего рынка, и наши казахские партнеры также не будут предпринимать никаких мер, чтобы противодействовать контрафакту, то борьба с недобросовестной конкуренцией, вы сами понимаете... это не самая выигрышная борьба. И вот как раз, когда, Александр Николаевич, Вы затронули вопрос по налогам, я хочу сказать, что, допустим, в Белоруссии есть свободная экономическая зона в Гродно, где налоги просто нулевые. То есть, как мы сможем конкурировать — Вы знаете, какие налоги платят отечественные предприятия — с теми предприятиями, которые не будут платить совсем никаких налогов, и уже не платят? Спасибо большое.

А. Шохин:

Это ко мне вопрос?

Н. Никонова:

Если Вы будете так любезны, то с удовольствием.

А. Шохин:

Ну, Вы знаете, что некоторые свободные зоны у нас тоже существуют, и по соглашениям, они, как говорится, рассасываются. Тот же Калининград, как особая экономическая зона, к 2016 году прекращает свое существование. Я точно не знаю, но, может, и гродненскую зону ждет то же самое. То есть, речь идет о выравнивании условий конкуренции и с точки зрения предоставления таких налоговых льгот, прямого субсидирования и так далее. Действительно, правила универсальные действуют, в том числе, в Европейском союзе. Но это не мешает иметь особый режим той же промсборки и так далее. Но, я так понимаю, по многим из этих вопросов были довольно жаркие дебаты, согласование сроков существования тех или иных особых режимов, технологий выравнивания и так далее. Что касается контрафакта, который проходил через южный периметр общей таможенной границы, то это действительно так. Не случайно на 1 июля этого года была перенесена задача создания единой таможенной территории, я имею в виду контура, границы. Поэтому и до 1 июля этого года, видимо, проблема была действительно актуальна. Посмотрим через пару недель: будет новый контрафакт поступать или нет. Если будет, значит, чего-то не доработали.

Н. Никонова:

Я думаю, однозначно будет, потому что на том же «Садоводе» можно приобрести продукцию и рядышком сертификаты.

А. Шохин:

Казахстанская сторона уверена в том, что она отстроила как раз южную часть общей таможенной границы и не пропустит контрафакт, но он и к нам ведь просачивается. Достаточно вспомнить «Черкизон», который нанес

большой ущерб чулочно-носочному производству, и в том числе Смоленской фабрике. Кстати, у меня есть несколько образцов продукции вашей фабрики, с добавлениями какими-то экзотическими — титановыми, бамбуковыми, да?

Н. Никонова:

Да, совершенно верно. Делаем носочки из бамбука, из серебра.

А. Шохин:

Значит, рекламируйте свою продукцию получше.

Н. Никонова:

В космос летают космонавты в наших носочках с 2007 года.

А. Шохин:

Но их мало, космонавтов, они не составляют основной части рынка.

Н. Никонова:

Да это понятно, что они не основные наши потребители. Спасибо большое.

Т. Валовая:

Можно я еще добавлю к тому, что сказал Александр Николаевич. Он здесь сказал, что не случайно из-за этих недоработок на 1 июля пришлось переносить некоторые мероприятия. Это не совсем так. Мы ничего не переносили. Мы изначально договорились о том, что поскольку российско-казахстанская граница не оборудована так, как нам надо по плану — вернее, внешняя граница Казахстана не оборудована так, как, по нашему мнению, она должна быть оборудована, мы не будем снимать контроль.

Поэтому до 1 июля этого года на российско-казахстанской границе сохраняется тот таможенный контроль, который был всегда. Был снят контроль только применительно к казахстанским товарам. Там, конечно, тоже есть возможность: там шли китайские товары под видом казахстанских. Ну, точно так же, как они идут и через российско-китайскую границу. Но мы надеемся, что с 1 июля, ну, может быть, не сразу с 1 июля, ситуация в целом существенно улучшится. Почему? Потому что пока не было Таможенного союза, не было Единого экономического пространства, все равно граница России и Казахстана была дырявая. Семь тысяч километров обустроить так, как это необходимо — проволоку раскатать, сделать нейтральную полосу — невозможно, и смысла в этом нет между двумя братскими государствами. Поэтому мы поставили другую задачу — обустроить внешнюю границу, и Казахстан действительно выполнил очень серьезную задачу. Он сейчас обустроил границу с Киргизией, через которую тоже шло очень много контрафакта под видом киргизского товара в Казахстан, а потом уже к нам. И, кстати, здесь как раз возникает вопрос, который затронул Александр Николаевич. Сейчас казахстанские коллеги к нам приходят и говорят: «Ну, вот мы обустроили границу с Киргизией, теперь ждем, когда вы — Россия и Белоруссия — обустроите границу с Украиной, потому что оттуда тоже может пойти контрафакт, теперь уже через Европейский союз, европейские товары, через зону свободной торговли, под видом украинских товаров». Это ответ на этот вопрос, мы об этом знаем, поэтому действительно надеемся, что ситуация существенно улучшится после 1 июля, когда начнутся запланированные мероприятия.

Г. Онищенко:

Мне кажется... извините, я тоже вмешаюсь, поскольку контрафакт — это некачественная продукция. Совершенно новое и очень прогрессивное законодательство в нашей стране появилось в 90-е годы, законодательство

о защите прав потребителей. У нас был чистый эксперимент. Вы слушайте, пожалуйста, милая дама, я отвечаю Вам. Давайте не будем делать из Таможенного союза пугало. «Черкизон» — это чистый эксперимент. Тогда не было Таможенного союза. Шесть тысяч контейнеров, триста тысяч тонн продукции, которая не имеет документов, которая опасна для жизни, триста тысяч тонн сегодня хранится. Из этих трехсот тысяч тонн даже сотня тысяч тонн еще не уничтожена, потому что все это идет через суд, мы даем заключение, потом суд принимает решение, и только после судебного решения уничтожается та или иная партия продукции. Поэтому у нас много проблем и внутри. А что касается казахов, то, на мой взгляд, казахи больше боятся Китая, чем мы. И у них для этого есть объективные причины. Поэтому не в Таможенном союзе проблема, а в издержках нашей экономики. Вот я бы так еще добавил.

А. Лихачев:

Трудно не согласиться. Еще вопросы, пожалуйста.

И. Кузин:

Спасибо. Кузин Игорь Робертович, Министерство финансов. Я даже хотел бы не вопрос задать, а прокомментировать выступление коллег и общее впечатление от поднимаемых вопросов немножко с другой стороны. Участвуя в проработке вопросов субсидирования экономики и послушав вопросы коллег еще раз здесь на Форуме — я имею в виду представителей бизнес-сообщества — все больше убеждаюсь, что мы идем немножко по разным как бы параллелям. Государство на высоком уровне создает Единое экономическое пространство, ведет переговоры о вступлении в ВТО. В то же время бизнес, со своей стороны, как мне кажется, до конца не осознал условия игры и меняющиеся реалии. То есть, до сих пор упорно продолжает пробивать вопросы субсидирования отдельных отраслей, что в

принципе должно, наоборот, отменяться в рамках создания Единого экономического пространства, то есть должны выравниваться условия игры, тем более в рамках создания ВТО. Эта деятельность со стороны бизнеса не ослабевает. Задаются вопросы, то есть бизнес, скорее, опасается создания этого экономического пространства и вступления в ВТО. Я все больше и больше убеждаюсь, что есть какое-то недопонимание и, видимо, наша недоработка в плане работы с бизнесом, именно в разъяснении и в его подготовке. Политически мы готовы к объединению, к вступлению, а бизнес, я так понимаю, остался в рамках предыдущей игры. Вот на это хотелось бы обратить особое внимание и, наверное, самим себе поставить задачу проработать этот вопрос более тщательно. Спасибо.

А. Лихачев:

Большое спасибо. Для этого, собственно, мы и собрались здесь.

А. Шохин:

Можно комментарий по поводу того, что бизнес боится больше, чем чиновники. Чиновникам, конечно, бояться не приходится: они получили установку, надо выполнять, причем к сроку. Я напомним: когда два года назад на Петербургском форуме Президент Медведев объявил задачу вступления в ВТО к концу года — у нас это традиция: к концу года мы вступаем уже 17 лет в ВТО, правда, как правило, к концу следующего года — Владимир Путин практически в тот же день или на следующий объявил об ускоренных темпах создания Таможенного союза и, естественно, возник вопрос: где курица, где яйцо, что раньше? Позиция бизнеса была вполне определенная, и это была официальная точка зрения РСПП. Мы ее обсуждали и принимали решение. Лучший способ создания Таможенного союза и Единого экономического пространства — создавать его на условиях ВТО. И тогда мы даже предложили такую схему и предлагали американцам

и европейцам принять Россию в ВТО до конца года, потому что основные мероприятия — и по созданию единого таможенного тарифа, и Таможенного союза в целом, и тем более ЕЭП — они не успевали еще развернуться настолько, чтобы нельзя было использовать базу ВТО. Это была наша позиция, я ее два года назад, кстати, озвучивал двум президентам — Обаме и Медведеву — когда у нас был российско-американский бизнес-саммит во время официального визита президента США в Россию. Можно было успеть такую схему реализовать. И бизнес ее лоббировал в большей степени. Нам хотелось бы, чтобы регулирование Таможенного союза в максимальной степени покоилось на международных стандартах, на праве ВТО. И сейчас мы сближаемся. У нас идет процесс сближения наших условий присоединения к ВТО и правил, процедур, ставок и так далее в рамках Таможенного союза. Процесс несколько затянулся, но мы как бизнес-сообщество предлагаем: достаточно сослаться на вчерашние сессии — российско-американскую, российско-европейскую, — где бизнес призывал к скорейшему вступлению в ВТО. Это, может, переговорщики не дорабатывают. Алексей Евгеньевич не даст соврать (когда рабочая группа вела приговоры, он от Думы входил в рабочую группу, Мордашов — от РСПП), раньше была очень активная технология взаимодействия законодательства, правительства и бизнес-сообщества. Сейчас многие переговорные процессы по завершению, скажем, двусторонки и по системным вопросам присоединения к ВТО идут без участия бизнеса. Не разъяснять нам надо, а работать вместе с нами надо. Когда вы принимаете решение, а потом объясняете, что это было... помните старый анекдот советский? Пал Палыч не дает мне отойти от такой технологии. Пал Палыч, можно я скажу, что якут это был, Вы же якутским мэром были? Японец показал ему прием дзюдо, наш якут пришел в себя и говорит: «Теперь я покажу прием». Врезал так японцу, что тот сутки

отходил. Пришел в себя, говорит: «А что это было?» — «Это была рессора от трактора “Беларусь”».

А. Лихачев:

Подчеркивает необходимость интеграции.

А. Шохин:

Так вот, не хотелось бы, чтобы нам правительство объясняло, что это было. Нам очень хочется вместе работать, сидеть за одним переговорным столом со стороны правительства и отстаивать общую позицию. У нас по многим направлениям выстроены эти технологии. Нам не надо объяснять, потому что мы вместе работаем. Вот, Владимир Юрьевич, поскольку рядом сидит, опять сошлюсь на техническое регулирование. Действительно мы, благодаря налаженным механизмам, работаем настолько плотно и с министерством, и с Росстандартом, что там нет вопросов. Нас правительство не радует тем, что вот разработан техрегламент, давайте его разьясим, что это было. Мы действительно вместе работаем, и по другим направлениям точно так же надо делать. И главное: кстати, когда мы обсуждали тему присоединения к ВТО — это процесс длительный — баланс в бизнесе 50 на 50: половина индустрии в широком смысле не видит выгоды от присоединения к ВТО. Половина видит. Почему перевес в пользу присоединения к ВТО? Хочется иметь в экономическом регулировании преобладание международных стандартов, чтобы система была гармонизирована с мировой, и чтобы наши бюрократы работали на основе международных правил и стандартов и на основе международного права, которое будет инкорпорировано через право ВТО. Поэтому бизнес в целом за ВТО и так далее. А опасения, безусловно, есть у конкретных предприятий, отраслей: у легкой промышленности, сельского хозяйства и так далее. Надо иметь предсказуемую ситуацию: лучше ужасный конец, чем

ужас без конца, как говорят. Лучше определенность, чем это ежегодное вступление в ВТО в конце года. Эта невнятная позиция наших партнеров играет на руку тем, кому не нужно ВТО. Стало быть, враги-то у нас не внутренние, а внешние, не хотят нас в ВТО принимать — значит, не хотят, чтобы мы работали по международным стандартам, без избыточной господдержки и так далее. Спасибо.

А. Лихачев:

Спасибо. Нина Михайловна, Вам присваивается звание почетного провокатора, в хорошем смысле этого слова. Потому что Вы одним вопросом зародили целый круг дискуссии. Пал Палыч Бородин, к Вам столько раз сегодня обращались, что не дать Вам микрофон просто невозможно.

П. Бородин:

Я когда рассказывал на Таможенном союзе об аграрной политике, одна симпатичная дама встала и говорит: «Павел Павлович, что Вы мне все время по морде бьете?». Я никого не бью по морде, я никому никогда не был конкурентом, никого никогда не подсиживал, всем только помогаю. Но давайте посмотрим реальную картину. Девяносто седьмой год. Мне мой друг, посол Китая у нас, говорит: «Господин Бородин, ну чего Вы дурака несете-то? Что, у нас товарооборот с вами 25 миллиардов? У нас с вами товарооборот 125 миллиардов: 25 официально, и еще 100 неофициально». Девяносто седьмой год. Прибываю в Италию, там тогда 22 корпорации у меня работало. Они говорят: «Ой, господин Бородин, как мы вас дураков русских любим, вы себе даже не представляете. Вы продаете по 39 долларов тысячу кубов газа Украине, они по 255 долларов нам продают. Мы по 600 долларов продаем Германии, а Германия по 1200 долларов продает Великобритании. Такая хорошая экономика!». Я хочу сказать, что

без нормативно-правовой базы никакого Таможенного союза не будет. Это не в форме самопохвалы, а благодаря решениям президентов, работе министерств, ведомств, парламентского собрания. Ну вот вникните: товарооборот Белоруссии и России (1999 год) — 6,8 миллиарда долларов. Это поставки нефти и газа в Белоруссию, транзит нефти и газа в Евросоюз. Сейчас товарооборот — 34,5 миллиарда. Я понимаю — Китай, Германия... Девятимиллионная Белоруссия — тридцать четыре миллиарда долларов. Мы подняли — это сказал Сергей Сергеевич Сидорский, бывший премьер-министр — мы подняли с колен на ноги 26 тысяч предприятий, только по нашим программам (их 45) создали 5 миллионов рабочих мест. А вообще межрегиональное содружество работает. У нас сегодня 17,5 миллионов россиян, россиян только, плюс у нас сейчас работает, по официальным данным, семь – семь с половиной миллионов человек с Украины, но работают незаконно, они не имеют ни социальной, ни пенсионной, ни зарплаты, ничего не имеют. У нас сейчас работает порядка 12 миллионов китайцев. Это не я сказал. Премьер-министр России сказал об этом на Совмине союзных государств. У нас сегодня работает порядка двенадцати с лишним миллионов человек из Средней Азии. Понимаете? Вы знаете, что? Карл Маркс и Фридрих Энгельс — это не муж и жена, а четыре разных человека. Так вот они говорили: чтобы состоялось государство, нужно, чтобы было 300 миллионов потребителей, и чтобы было под него три кита: три тонны жидких энергоносителей, тонна зерна и головы. Вы знаете, что от нас 186 тысяч ученых уехало в Европу и в Америку, что у Билла Гейтса 32 тысячи сотрудников в Силиконовой долине, из них 26 тысяч — выходцы из Советского Союза. В Советском Союзе было 4 инновационных региона — это Россия, Казахстан, Азербайджан и Туркменистан. Все остальные были дотационными регионами. Украина тогда получала при стоимости 7 долларов за баррель дотацию в 6-8 миллиардов долларов, Белоруссия — миллиард двести миллионов долларов, прибалты получали 1,5 миллиарда

долларов, грузины получали 2,5 миллиарда долларов. Это не я вам говорю, это в КГБ я читал сам. Я очень люблю читать, по 400 страниц в день читаю. Так что, понимаете, нам надо восстановить все постсоветское пространство. Я когда об этом сказал Владимиру Владимировичу Путину, он сказал: «Пал Палыч, как только мы восстановим к 2017 году постсоветское пространство, я буду генеральным секретарем ЦК, а тебя назначу Предсовнаркома». Так что вы говорите с будущим Предсовнаркома, понимаете? Я хочу сказать, давайте реально на вещи смотреть. Вот мы говорим о ВТО, бьем себя в грудь: «Мы должны вступить в ВТО». Какое ВТО? Кто там нас ждет? У них средняя зарплата в Европе 4 000 долларов в месяц. В Америке 4 000 долларов в месяц зарплата, у нас 400 долларов. У них пособие по безработице 1 200 долларов каждый месяц на человека. У них молоко стоит 20 центов за литр, у нас — доллар 20 центов за литр. Я хочу сказать, что я очень уважаю наших предпринимателей, бизнесменов, но нам надо четко понять, что есть форма государственного управления. Вот, я рассказывал одной даме... Соединенные United States of America, знаете, такая хорошая страна есть? Там же все рыночное. Бюджет Министерства сельского хозяйства — там, в Министерстве сельского хозяйства в центральном аппарате 26 тысяч сотрудников, — бюджет 134 миллиарда долларов. Плюс дотации через обездоленных — 85 миллиардов долларов. Итого, государство тратит на сельское хозяйство в Соединенных Штатах Америки 223 миллиарда долларов. А у нас?

Из зала:

18 миллиардов рублей.

П. Бородин:

Ой, такие большие деньги, просто ужас. Я вам хочу сказать, что это не мировая практика. Не надо ничего придумывать. Американцы по семи видам продукции — хлеб, мясо, молоко, рыба, овощи, крупы — тратят... Все в руках государства. Я вам приводил этот пример — она обиделась... 309 миллионов человек американцев сейчас — недавно было 125 миллионов, сейчас 309 — производят 310 миллионов тонн зерна, вводят 325 миллионов квадратных метров жилья, производят по 500 литров молока при норме 480 литров, производят по 110 килограмм мяса при норме 100 килограмм мяса, производят 375 килограммов крупы, 28 килограммов рыбы при норме 2,17 килограммов. А мы? У них же там рыночная экономика. Я вот думаю, что нужна нормативно-правовая база и нужно, чтобы я никому по морде не бил. Я не буду никому бить по морде. Я хочу вам сказать, что Таможенный союз без нормативно-правовой базы не состоится.

А. Лихачев:

Спасибо Вам, Пал Палыч.

П. Бородин:

Я уж извиняюсь, я, знаете, никого никогда не критиковал. Они мне... Я их делаю миллиардерами, вот 140 миллиардеров в России — они все из моей приемной в соседнем подъезде. Понимаете? А теперь они мне топором по башке бьют или нож в спину вставляют. А я им все равно руку подаю.

А. Лихачев:

Пал Палыч, к сожалению, регламент. У нас есть возможность задать еще один вопрос.

П. Бородин:

Вы как министр все равно.

А. Лихачев:

Какой же я министр, у нас министр намного круче, чем я. Последний вопрос, завершающий. Ну? Вообще, такое количество ньюсмейкеров этого уровня вместе вы не скоро еще увидите. Поэтому, пожалуйста.

А. Куликов:

Куликов Альберт Геннадьевич, представляю проектную организацию из Новосибирска. У меня такой вопрос: вписывается ли в механизм создания Таможенного союза единая система подготовки специалистов под те техрегламенты, которые планируется внедрить, и которые будут требовать различного уровня надзорные органы? Спасибо.

В. Саламатов:

С Высшей школой экономики, с Академией народного хозяйства мы сейчас завершаем разработку комплексной программы подготовки кадров в области технического регулирования. На следующей неделе будет утвержден стандарт образования по специальности «техническое регулирование». Я думаю, что мы начнем пропагандировать и приглашать слушателей для обучения. В программе обучения, в том числе, будут рассматриваться вопросы международного права и так далее. Спасибо.

А. Лихачев:

Спасибо огромное. Уважаемые коллеги, две задачи, которые нам предстоит решить в ближайшее время — это реформировать работу таможенного единого пространства и Единого экономического пространства, создать новые механизмы и комиссии Таможенного союза. Мы хотим это делать вместе с бизнесом, поэтому гарантируем, что диалог между властью и предпринимательскими кругами будет только нарастать. Вторая задача —

это обращение уже к вам, журналистам, здесь присутствующим; к вам, чиновникам, здесь присутствующим; к вам, предпринимателям, активным гражданам, здесь присутствующим — разъяснять, пропагандировать, делать открытыми те серые зоны в информационном пространстве, которые сегодня есть вокруг этих новых и, на мой взгляд, очень перспективных механизмов Таможенного союза и Единого экономического пространства. Огромное вам спасибо за сегодняшний разговор. Уверен, что он далеко не последний в самом коротком промежутке времени. Спасибо вам большое.